

***ТРИ
РАССКАЗА***

Сергей БАГРОВ

БАГРОВ С.П.
ТРИ РАССКАЗА
Вологда: 2003 - 20 с.

Как долго живут рассказы? Есть ли у них старение? На эти вопросы может ответить только Читатель, кому эту книжку и посвящаю.

Вологда
2003

ТРИ РАССКАЗА

В ОДИНОЧКУ ПРАЗДНИКИ НЕ ГУЛЯЮТ

Воскресенье. С утра весь поселок обволокло крепким запахом жаренины. Колют свиней, и во многих семьях к столу подается жареная печенка.

Поселок проснулся, но о себе заявляет пока что негромко: главная жизнь схоронилась в домах и бараках, где топят печи. Народ на улице редок. Но все же он есть. Вон на пару с женой в фасонистой шляпе и полушубке выбрался подышать морозцем Иван Севастьянович Мякин. Как начальнику лесопункта, держаться надо ему образцово. А это не просто. Каждый встречный готов затащить его к себе в дом. При этом причину найдет такую, что неудобно и отказать.

Однако Мякин себе на уме. На широком его лице холодновато-вежливая улыбка, голос, хотя и игрив, да отпорен.

-Хочу в первородном виде остаться. К употреблению не готов. Гуляйте мимо!

Не всякий знает, как отнестись к словам начальника лесопункта, поэтому оставляют его в покое, и он продолжает идти по поселку под ручку с женой, глубоко запрятанной в желтую с пятнами шубу под леопарда, искусственный мех которой, переливаясь, так и играет фальшивым огнем.

Пройдет Иван Севастьянович со своей Ариадной Андреевной весь поселок. А потом повернет обратно, чтоб возвратиться домой, где можно позавтракать с аппетитом и, включив телевизор, покуривая, смотреть передачу за передачей. К такому отдыху, где бы были прогулка, крепкий утренний чай и телевизор перед диваном, Мякин привык настолько, что о другом проведении выходного он и думать забыл. И потому он весь внутренне подобрался, когда в раскрытой калитке финского домика разглядел долгоногого и сухого, как ученический циркуль, технорука Цыпилёва,

широкой улыбкой и умиленно-родственным взглядом дававшего Мякиным знак: «Сюда! Давайте, не обходите!»

Отказался Мякин, похлопав рукой в перчатке по животу:

-Рад бы, Павел Степанович, да не смею: гастрит.

Цыпилёв удивлен:

-Вроде, не было раньше?

Мякин согласен:

-Не было, да завелся. – И хочет пройти мимо дома технорука. Да Павел Степанович вдруг, раздавив на ладони ладонь, встряхнул локтями и рассмеялся:

-Против этой болезни есть у меня солодовое пиво! По кишочкам пройдет, как погладит! Чистый бальзам!

Не собирался Иван Севастьянович поддаваться. И не поддался бы ни за что, да явилось сравнение: «Где будет лучше?» Дома он целый день проваливается на диване. А здесь порасслабится, посидит час-другой с человеком. Павел Степанович – это тебе не какой-нибудь там работяга, с кем зазорно было бы сесть за обеденный стол, а воспитанный инженер, который имеет понятие о культуре. Глаза у Мякина затеплели.

-Так, говоришь, солодовое? – пробасил, пропуская вслед за хозяином дома свою Ариадну, чья шуба была настолько ворсиста, что еле-еле вместились в калитку.

-На огородном хмелю! – Цыпилев деликатно остановился, поворотом высокой шеи и взмахом руки предлагая гостям одолеть три ступеньки крыльца и проследовать в дом. – Сам варил! Сам и в бочку его упечатал...

Не замочить губ вином, когда все веселятся – такого среди лесорубов не было и не будет. Свой ли, чужой человек, хочет того или нет, все равно он становится чьим-нибудь гостем. В одиночку в поселке праздники не гуляют.

Поздний завтрак, совпавший с обедом, всех жителей Митинского Моста посадил за столы, которые ломаются от закусок. Никто никуда не спешит. Разве лишь свинорезы ходят, пыхтя, от хлеба к хлеву, пытаясь избавиться от работы. Но работы не убывает.

Семей в поселке несколько сотен. В каждой второй держат свинью. Держат ее до морозов, но чтоб завалить и прирезать

дородную тушу – на это в семье удальца не найдешь. Заранее ищут на стороне, приглашая обычно бывалых, тех, кто умеет владеть убойным ножом.

Михаил Федотов – один из бывалых. Сегодня поднялся в четыре утра. Дома свинью заколол. У соседа. Еще у соседа. Потом за ним прибежали с другого конца поселка, куда ходить он не собирался, потому что колоть животин должен был там другой. Но другой заболел. Михаила везде угощали. Зная, чем это может закончиться, показывал уровень на стакане:

-Чуть-чуть, не выше этого положения. Иначе рука окривеет и в поросенка не попадет...

И вот позади двенадцать дворов. Столько же и стаканов. В распахнутом ватнике, галифе, широких кирзовых сапогах, щекастый и грузный, ступает Федотов середкой дороги. Шаг, хотя и тяжелый, но твердый.

Полдень. Небо только что отряхнулось от облаков, и в глубине его, золотясь плавниками, купается солнце. На душе у Федотова словно бы вьется веселая птаха, позывая его к беспричинной улыбке.

Оказавшись без дела, Михаил смутился, не зная, куда теперь и пойти. Шел домой. И вдруг передумал. Потянуло встретиться с мужиками. С любимыми. Кого он знал и не знал. С кем бы можно было разговориться.

Еще издали, у барака, где жила вербованная братва, он услышал веселый шумок. Подойдя поближе, среди молодых сезонников, одетых в новые ватники, кепочки и ботинки, заметил Володю Раскова, нежно-румяного, с тонкой шеей холостяка, который закончил нынче Лесной. Тем и пугал Федотова юный мастер, что был он чрезмерно наивен и доверялся каждому, кто находил к его сердцу подход. Начальство не углядело в парне тех притягательных качеств, что могли бы Раскова приблизить к нему, и держалось с ним на дистанции, какая всегда разделяет неопытных от бывалых. Володя же, как и любой неумелый работник, нуждался в поддержке. Искал ее там и сям. И нашел. Нашел у сезонных рабочих, чья дружба с Расковым была замешана на расчете. Этого Михаил и боялся

Видя, что четверо работяг подались рысцой к магазину, а остальные с Расковым тронулись к двери барака, Федотов сорвал с головы лохматую кепку и сделал ею отчаянный круг:

-Володя! Ну-ко, сюда-а!

Компания обернулась, кто-то состроил ладонями птичку, взмахнув крылами, как бы пустив ее в сторону Михаила, да птаха к нему лететь отказалась, и все рассмеялись, а мастер, под одобрительный возглас сезонников, прокричал:

-После! Сейчас не могу! – И исчез в общежитии вместе со всеми.

Расстроился Михаил. Понял, что парня сейчас напят. Федотов стоял шагах в двадцати от барака. Сезонники, видно, ввалились в одну из комнат, где затевалась гуляба. Он их не видел, но мысленно был среди них, что-то доказывал им на правах справедливого мужика, который всех дальновиднее и мудрее, протягивал руку к Раскову, намереваясь его увести. Пожалуй, он так бы и сделал. Во всяком случае, постарался бы вытащить мастера из барака и этим самым избавить его от корыстных дружков. Да тут до слуха его долетели нервные крики.

Федотов почувствовал: что-то стряслось. Он чертыхнулся и пошагал, сшибая носками сапог комья каменной грязи.

Навстречу попался завхоз Клеопатров, маленький мужичонка с уныло опущенной головой. Шел, подымая ноги так тяжело, точно они прилипали к дороге, и он отдирал их с трудом.

-Чего это там? – спросил у него Федотов.

-Драчка, - ответил завхоз.

Федотов ускорил шаг. Да что-то кольнуло у голенища. Он наклонился и вынул из сапога закрытый чехлом длинный нож. «Где бы оставить?» - подумал и подошел к крыльцу щитового дома. В дверях его разглядел десятницу Веру. Перехватив встревоженный взгляд десятницы, Михаил догадливо ухмыльнулся:

-Не мужа ли потеряла?

Десятница показала за палисадник, где стоял нежилой пятистенок, глазевший разбитыми окнами на стадион.

-Его увел туда Коля Дьячков.

-Для чего?

-Для какого-то разговору...

Федотов понял, что дело худое. Положив нож на выступ крыльца, заторопился на голоса. Минута понадобилась ему, чтоб обогнуть забор вокруг нежилого дома, откуда был виден весь стадион.

Кучка зевак с папиросками наблюдала, желая понять: кто возьмет в стычке верх? Или Борис Кореводин, спортивно сложенный, в сером костюме шофер лесопункта, что доставляет в поселок орсовский груз. Или сын пилорамщика Колька Дьячков, сухощавенький, с блеклыми усиками парнишка, вооруженный кривым коромыслом, которым махался так страшно, что нельзя к нему было и подойти.

-После нас в больнице не лечат! – орал Колька, стараясь достать коромыслом до упировавшегося спиной в железную штангу ворот Бориса, который, будто боксер на ринге, отскакивал от ударов и ждал момента, чтоб самому налететь на задиру. И он дождался. Кинувшись под коромысло, успел до удара сцепиться с Дьячковым и, сжав его голову сильным захватом, стал жестоко ее наклонять, выворачивая из шеи.

Федотов прошел сквозь толпу суетливых зевак, развалив их на две половины.

-Паленая кура, нешто я уговаривать буду? А ну разойдись, покуда не размахнулся!

Но драчуны не услышали: слишком были увлечены, и Федотов, вытянув руку, точно бревно, опустил ее с силой между их плеч. Драчуны, разделенные толстой рукой, как границей, не сразу и поняли, что случилось, однако, увидев стоявшего между ними взопревшего Михаила, сообразили, что драку уже продолжать бесполезно.

Кто-то шутливо скомандовал:

-По домам!

И тут все увидели, как к плечу Бориса, неизвестно откуда взявшись, прибилась, взмахнув лапами пальто, его молодая жена, уводя мужика с футбольного поля, а Кольку Дьячкова, кипевшего от нерастроченной мести, взял под опеку Федотов, облапив ручищей его мословатую спину, скривив на ней косыми морщинами пальтецо.

-С чего это вы сцепились-то, как петухи? – полюбобытствовал Михаил, ступая с Колькой к центру поселка, откуда летела сквозь визг и хохот песня неистойвой Пугачевой.

-Он меня недоростышем обозвал, - ответил Дьячков.

-За что?

-За то, что я с его Верой разговорился.

Михаил не понял:

-Разговорился?

-Ну-у! Шел с ней вместе из магазина, то есть до дому ее провожал. Что ли, нельзя? Довел до калитки, а он тут и есть. Улыбается, ровно я глаз на нее положил, и спрашивает, как изверг:

-Понравилось?

-Понравилось, отвечаю.

-Так вот, недоро слыш, - это меня-то он, при моем-то росте сто семьдесят пять сантиметров, - можешь, советует мне, еще с ней раза прогуляться. Но перед этим не забудь заказать в мастерских костыли, потому как я из тебя буду делать хромого... Разве бы ты, Михаил, такое стерпел?

-Да, ядрена-ворона.

-Вот и я не стерпел! Вызвал его побеседовать за поселок. Дуэль, не дуэль, но хотел проучить, чтобы хамством не занимался.

Федотов поправил:

-Это, Колюха, не хамство, а ревность! Известный сюжет. Так что ты на него не серчай. Все вы парни что надо! Только нервы у вас никуда. Нельзя из-за этого нам друг дружку увечить. Иди не так?

-Так, - согласился Колюха, освобождаясь из-под тяжелой руки огрузневшего Михаила. Освободился и вытянул тощенькое лицо, будто чему-то вдруг изумился. - Ничего себе! А? Сам Иван Севастьяныч! Чего это с ним? Первый раз его вижу такого!

-Ого! – удивился и Михаил.

Мякин стоял, обхватив руками столб у забора. Рядом с ним Ариадна Андреевна, вся раскаленно-румяная от леопардовой шубы и тщетных стараний сдвинуть мужа с заклятого места, к которому он, казалось, прирос.

-Пойдем! – Федотов кивнул на жену начальника лесопункта.
- Пособим.

Перепрыгнув канаву, они оторвали Мякина от столба, взяли его под мышки и повели, то и дело приподымая, отчего его ноги плыли по воздуху, не доставая ботинками до земли.

Сидеть в гостях на квартире у Мякиных лесорубы не собирались. Усадив хозяина на диван, готовы были уйти. Да Ариадна Андреевна возмутилась:

-Нет! Нет! Так просто я вас не отпущу! Посидите! Ну-ко, так выручили меня! – И усадила обоих за кухонный стол.

Для Михаила такое сидение было чрезмерно опасным. Но отказаться он постеснялся.

Когда они вышли на улицу, Михаила шатнуло настолько сильно, что он пробежал почти сто шагов, оставив где-то сзади Колюню. И тут же, увидев сквозь сумерки собственный дом, поспешил зайти на крыльцо и в потемках сеной нашарить дверную скобу.

Дома не было никого. Не включая света, Федотов сдернул с себя фуфайку, кепку и сапоги. Прилег было на пол. Но пол показался ему ледяным, и он, продрожав, перебрался на русскую печь.

Евстоля который раз, накинув на плечи овчинный шубняк, выходит к калитке. Смотрит вдоль улицы: нет ли где мужа? Да зря. Не видать. Мелькают фигурки людей. Из-под берега, где устоялась первая темень, хлестнуло сыростью мерзлой реки. А за рекой – малолетние елки. Вверху – синеперые стайки обдерганных туч. Бледная звездочка над закатом. В красном закате пасутся кирпичные трубы, похожие издали на коней.

-Коля! – Евстоля окликнула бойко шагавшего по дороге сухопарого паренька. – Ты Михаила, случаем, не видел?

Узнав Евстолю, Коля весело выдает:

-Видел!

-А где?

-Там! – Коля кивает куда-то назад, вдоль огней, летящих по улице, как по строчке. – Кабы он не сбежал от меня, сейчас бы стояли мы вместе!

-А куда он сбежал?

-К своей благоверной!

Евстоля машет на парня рукой, отсылая его от себя:

-Проходи! Проходи!

Коля скрылся за поворотом. Евстоля же думает: «Где-ка он, демон стоногий? Ну-ко ушел сыззаранья и все-то ведь нет...»

Вернулась Евстоля домой. Но дома ей не сидится. Опять и опять выходит к калитке. Вечер пошел на сближение с ночью. Крепчает мороз. Евстоля зачем-то идет на берег Волошки.

Не слышно, как на реке вырастает зеркальный припой. Однако от пара, встающего медленно над водой, наносит сырой мерзлотой, и в эту минуту Волошка кажется слишком угрюмой, и человеку возле нее оставаться нельзя.

Ночь. Евстоля сидит у окна. Дети заснули. Затихло и радио на стене. Евстоля сидит и сидит, сторожа чутким ухом шаги. Но вместо шагов из холодных покоев летней избы вдруг доносится шум.

Забежать из зимней избы в избу летнюю ей понадобилась минута. Отворила легкую дверь, включила свет и увидела мужа, который слезал с нетопленной печи. Слез и уставился на Евстолю, пытаюсь понять: почему, находясь на печи, он ни капельки не согрелся?

-Как же так? – удивленно пожал плечами.

Глаза у Евстоли блеснули веселым, куда-то девались худые слова, какими хотела встретить гулливого мужа, рот распахнулся, блеснув прохладой белых зубов:

-Хорош хозяин! Не где-нибудь – во своем доме заблудился! Ну-ко забрался на летнюю печь, кою мы третий год уже как не топим. Пойдем-ко на зимнюю поскорей! Там, небось, градусы с плюсом. Да не вздумай болеть! А то узнают, что ты на печи простудился – осмеют на весь свет!

Михаил был послушен. Перебравшись в зимовку, лежал на горячей печи, приходя в себя от озноба. А когда отогрелся, почувствовал праздничное блаженство, словно лежал он не на печи, а над дюжими мужиками, которые шли по улицам Митинского Моста. Шли, открыто и гордо, пронося его над собой, как редкостного героя.

1983 г.

ТАКТИКА ЗМЕЯ

1

Одетый во все новомодное, с бражной веселостью на лице 27-летний сантехник Боря Шоронин ступал себе по темнеющей улице Ленина на вокзал, за которым среди коммунальных жилищ была и его в два окна на дорогу старенькая лачуга, где обитал он с матерью и сестрой. Шел он с мотивчиком песни про флибустьеров в бухом настроении гражданина, которому нравится все. Возвращался он с именин приятеля своего, тоже сантехника Коли Хохлова, кому сегодня исполнилось 28.

Мотивчик сам по себе оборвался: Боря увидел подданных ребят, окруживших его так нахально и вероломно, что он поневоле остановился.

-Куда разбежался? – спросили его.

-Домой.

-Бутылку давай!

Боря опешил:

-Откуда?

Где-то слева через дорогу горел в окнах свет, и не верилось Боре, что на виду у этих домов, в пахнущий липами летний вечер какие-то нагленькие хмырята способны устроить ему потасовку. Такого с ним не было никогда. Был Шоронин сух и широк, имел бугроватую грудь и уверенно-сильные, как у многих сантехников, руки. Однако драться он не умел. Не потому не умел, что боялся, а потому, что не мог себе втолковать: для чего это надо? Но тут, когда десять молоденьких харь затащили его под бетонную арку и мутно-осмысленно оглядели на нем пиджак, кроссовки и новые джинсы, прикидывая, чего бы вначале отнять, он почувствовал панику бедолаги, который попался и может пропасть, если кто-нибудь не поможет.

Один из юнцов потянул его за рукав:

-Пиджак ничего!

Второй, будто щучку, засунул в карман к нему юркую руку:

-А что в пиджаке?

И Шоронин, вспыхнув, приложился к кому-то из них, доставая ладонью до лба.

Этого только и ждали. Пошло! Все, кто мог и не мог, кинулись с жадностью на него. В голове у Бори мелькнуло: «Как собаки на кость...» И, смелая от ярости, начал совать кулаками куда-то вперед.

-Он еще и дерется! – визгнул самый нахальный из наседавших.

«Разорвут», - понял Боря, падая на колени, и услышал, как затрещал и поехал с него пиджак, где были деньги и документы.

Кто-то имел над бандочкой власть и дал энергичную установку:

-Ишь, как махается, блин! Клади его в лужу! Да джинсы, джинсы сымай! Кажись, США! Куска полтора, считай, наши!

«Уже и штаны на мне продали, змеевы дети, - взбесился Шоронин и, оглушенный пинком в под дыхало, рухнул под чьи-то плясавшие ноги.

Упал так же быстро, как и поднялся, и вдруг, ликуя душой, разглядел проходившего в трех шагах молодого, с брюшком, навалившемся на ремень, здорового мента. «Мы еще проживем!» - шевельнул саднящимися губами и приготовился вытерпеть остальное, пока блюстителю порядка делает эти три вырочальных шага.

«Чего это он?!» - испугался Шоронин, когда откинута к стене голова его затряслась от новых тычков, и он, пропадая душой, увидел, что мент, как ни в чем не бывало, прошествовал дальше.

2

Участковый милиции Филипенко был обязан вмешаться в уличный инцидент, когда кучка громил в сумерках вечера, матерясь, гогоча и ругаясь, кружила, сбивая с ног полупьяного парня в светлой рубаше, срывая с него пиджак и штаны. Но лейтенант не вмешался. Чувство самоохраны ему подсказало: лучше туда не соваться. И, сделав вид, что ничего опасного он

не заметил, прошел от побоища на расстоянии вытянутой руки. Прошел, убеждая себя, что зря человека не избивают, что избиваемый сам, быть может, и виноват и мордуют его, вероятно, за дело.

На улице, стиснутой пятиэтажками, не было никого, и Филипенко прибавил шагу, дабы пройти это место скорей, так как его, одетого в форму, кто-нибудь мог заприметить и удивиться, что он не предпринял даже попытки утихомирить свирепых юнцов. Сердце его упало, когда за спиной разобрал тяжкий топот. Лейтенант нерешительно обернулся. Подростков не было. Был только этот, раздетый, без пиджака, в разорванной от плеча до плеча рубашке, каким-то чудом, вырвавшийся из свалки.

-Мент!

В предчувствии объяснений, какие был вправе потребовать потерпевший, участковый остановился, заставив себя удивленно спросить:

-В чем дело?

Впалощекое, быстрое, с поцарапанным носом лицо подбежавшего исказила бешеная усмешка.

-Не знаешь? – Руки его, трясясь, суетливо хватали ремень, вправляя его на место.

-Не знаю, – сказал Филипенко.

Парень сощурился, посмотрев на блюстителя неотклоняемо и упорно.

-Врешь! Все знаешь!

-Не надо! Не будем! – посоветовал Филипенко, заслышав в груди толчки, которые шли от сердца, как от печального островка, затопляемого досадой.

Парень дико взревел:

-Знаешь, гадючкина жизнь!

Лейтенант приневолил себя улыбнуться. Спросил, как взрослый спрашивает парнишку, когда последний делает что-то не так:

-Откуда ты, этакой шумный, здесь взялся?

Парень опять посмотрел на него пронизательно и упрямо:

-Оттуда! Где грабанули меня! И ты это видел!

-Нет, я не видел, - ответил уверенно лейтенант, полагая, что парень против него ничего никому не докажет. – Всё у тебя? – добавил с усмешкой.

Губы у парня грубо взломало:

-Пузырь!

Лейтенант оскорбился:

-Кто? Кто?

-Пузырь в милицейском шмотье! Испугался уличной кодлы! И потому ты не видел ни этих шнурков, ни меня!

Филипенко налил тяжелой кровью, возненавидя в одно мгновение крикуна и, не сдержавшись, надвинулся на него

-Мало тебе досталось! – сказал он жестоким голосом, обещающим неприятность. – Так мы добавим! – И заученно, как доводилось делать множество раз, поймал парня за руку, заломив ее так, что тот и вторую руку вскинул за поясницу.

3

Впервые в жизни Боря Шоронин попал в вытрезвитель. И так как он буйствовал, не даваясь, чтоб кто-то срывал рубаху и брюки, его исподтиха напинали и, оставив в трусах, втащили в камеру, где уложили на койку и, чтоб не очень-то бушевал, связали веревкой.

-Все равно отсюда уйду! – заорал он вдогонку, двоим выходящим в дверь служащим каталажки.

Кто-то в камере рассмеялся:

-Никуда не уйдешь!

И Боря связанный, как злодей, бессильный даже для шевелений, почувствовал ярость от произвола. Зыркнув глазом к соседней койке с румянолицым бородачом, попросил его:

-Развяжи-ко меня, Карл Маркс!

Бородач отказался:

-А вдруг ты кинешься на меня? Ты же бешеный! Видел, как с ментами буртыхался. Терпи до утра. Кто связал тебя, тот и развяжет.

-Ты не Маркс, а клочок от его бороды! – обиделся Боря и, скрипнув зубами, сказал, обращаясь ко всем остальным:

-Кто еще там живой?!

Но никто на койках не отозвался.

-Хрен с вами! - Шоронин, нащупав выступ кровати, стал водить взад-вперед занемевшей рукой.

Часы с него сняли, и Боря не ведал, сколько времени он пилил неподатливую веревку. Отпилив, сел на койку. Огляделся по сторонам. Девять коек. Кто постанывал, кто храпел, кто задумчиво улыбался, сонно вглядываясь в своё.

Вырезатель – все-таки не тюрьма. Оттого тут держали самое разное барахло – метлу с длинной палкой, круг монтерского провода и какое-то черное, с треснувшей шиной автомобильное колесо.

Свет бил из самого потолка, где сияла громадная лампочка. «Скоро ты у меня померкнешь,» - думал Боря, мысленно замыкая в единую цепь разрушения, слишком лютую лампочку и метлу, по которой он пустит провод, соединив его снизу не только с трубой отопления, но и со всеми кроватями, где отдыхали притихшие алкаши. «Главное, чтоб поточней ее продырявить, - сказал себе Боря, уставясь на лампочку, сквозь которую предстояло проткнуть кончик провода, попадая им в сердце патрона.

Больше часа, наверное, колдовал он над цепью. И вот облегченно вздохнул. Подготовлено, как у монтера. Оставалось лишь взять оснащенный снаряд и, прицелившись, точно ударить.

Ударял он с обмяклого колеса, поставив его на казенную табуретку, утвержденную на кровати. Ударил и мёртво зажмурил глаза, ощущая бровями брызнувшие осколки.

Сразу – жуткая чернота, громыхание колеса, табуретки и Бори, с высоты свергнувшегося на койку, на которой похрапывал бородач. Тут же – бешеный крик девяти обитателей каталажки, зло и больно ужаленных током. А потом – коридорный шумок, звяк ключей и залиvistый свист.

Притаившись, как мышка, около двери, приготовился Боря к бегам. И когда к ней приблизились, отперли и вошли с мотылочком огня на качавшейся спичке, он скользнул в коридор и пропал.

Он осознанно понимал, что минут через пять, через десять свет в вырезителе восстановят, догадаются, кто это сделал, и немедля устроят погоню. Потому он домой пробираться не стал. Через три двора, две дороги, пустырь и запущенный сад он приблизился к низкому дому, где обретался дружок его Коля Хохлов.

Стучался Боря недолго. Однако долго его не пускали, не узнавая в нагом человеке того, кого видели здесь вчера на веселых Колиных именинах. Когда же узнали, то подивились. И, посмеявшись, нашли для раздетого брюки с рубахой.

-Еще бы корзину! – подумал вслух Боря.

Утро только еще народилось, закидав зарей половину небес, когда сантехник направился к дому. Шел, помахивая корзиной, как натуральный грибник, по улице Ленина на вокзал. Шел и думал: «Повстречать бы мне этого лейтенанта, да шархануть раза по широкому рылу, чтобы было ему неповадно сажать в каталажку невинных людей...»

По дороге его обогнал загорелый бегун. Был он в белых спортивных трусах, босиком и без майки. «И чего они так спозаранку встают?! – подумал Боря с сочувствием о спортсменах. И, услышав мотор, оглянулся с тоской. Так и есть. Милицейский Узик! Шел он медленно, словно разыскивая кого-то. «Не кого-то, гадючкина жизнь, а меня!» - понял Боря, насторожившись. Однако Узик проследовал мимо. В кабине рядом с водителем Боря узнал того самого лейтенанта.

Машина проехала метров сорок и вдруг деликатно остановилась. Раздался оклик, scomандовавший спортсмену:

-Быстро! Быстро сюда!

Бегун, пожимая плечами, приблизился к дверце машины и тут же исчез в ее недрах, мелькая лягнувшими пятками ног.

«Ну и дела! – поразился Шоронин. – Голый сбежал. Вот голого и схватили. А меня, в одежде, оставили на свободе...»

Полчаса спустя, подходя к деревянной хибаре, Боря уныло подумал о предстоящем: «Мне ведь тоже в эту милицию подаваться. Заявлять об отнятых документах. Да и джинсы забрать. Ну, дела. Неохота, а надо...Ладно. Завтра, быть может, и соберусь...»

Полковник милиции Самородов, с ежиком светло-сталистых волос, строгобровый, с немного уставшим лицом и глазами, которые словно бы колют, каким-то особым чутьем всегда узнавал, кто из его сотрудников оступался, отчего его многие опасались. А Филипенко, уже имевший с полковником разговор из-за жалобы на него человека, который попал в вытрезвитель, будучи трезвым, кроме того, его еще и боялся. Потому-то сегодня перед обедом, когда Самородов его пригласил в кабинет, лейтенант оробел. И совсем ему стало неловко при виде сидевшего против полковника хмурого парня, кого он узнал и понял, что дело его – труба.

- Вот! – показал полковник на Борю. – Пришел с жалобой на тебя. Говорит, что ты ловишь не тех, кого надо. Вот и вчера, заявляет товарищ, ты вместо того, кто дал дёру от нас, поймал постороннего человека. Правильно он говорит?

- В общем да, - согласился с полковником лейтенант. – Получилась промашка. Но я исправил ее. Сегодня, чуть свет, позвонил в вытрезвитель, и того, невиновного, отпустили.

- А где же тогда тот разбойник-изобретатель, который едва не спалил вытрезвитель?

Замешкался Филипенко и, грустно вздохнув, неуверенно пробубнил:

- Ищем.

- Тогда заодно разберись и вот с ним! – Полковник опять показал на Бориса. – Позавчера с него сняли пиджак. А в пиджаке – документы. Сняли на Ленина, около гастронома. Как раз на твоём участке. Так что тебе и искать...

- А ты не злопамятный! – похвалил лейтенант Шоронина в коридоре, едва они вышли из кабинета. – Чего бы мне сделать такое, чтоб ты на меня не сердился?

- Джинсы верни! – потребовал Боря.

Филипенко вспомнил, замаялся и неохотно растолковал:

- А ведь нет этих джинсов. Зав вытрезвителем выдал твою одежду...

Шоронин смутился:

- Уж не голому ли спортсмену?

-Ему.

-А он чего? Взял?

-Взял, - подтвердил Филипенко.

-Ну и спортсмен! - изумился Шоронин.

-Да ты не тужи! Найду его! И шпану отыщу! Верну и пиджак, и джинсы, и документы!

-Были еще и часы, - напомнил Шоронин.

-Найду и часы! Уверяю тебя: все будет как надо! - Лейтенант протянул Шоронину руку: - До встречи!

По глазам лейтенанта, блестящим, как после стопарика с водкой и суетливым словам, в которых не было ничего, кроме неверного обещания, понял сантехник, что ничего он ему не найдет. Да и искать, пожалуй, не будет.

На душе у Шоронина было погано. Он взглянул на свою потянувшуюся к руке участкового руку и, одёрнув ее, уловил, как в ней глухо забухало сердце.

-А-а, гадючкина жизнь, - прошипел сквозь сжатые зубы и быстро-быстро, словно опомнившись, пошагал к открытым дверям, в проеме которых сверкал, заливаемый солнцем гладкий выступ каменного крыльца.

1992 г.

СЫНОВЬЯ И ГОСТИ

Ветки берез мелко вздрагивают, роняя на землю тихие листья. От листьев по всем направлениям льется слабый ласкающий свет. «Газик» урчит покойно и добродушно, колеса его, будто боясь обидеть дорогу, бегут, едва прикасаясь к земле.

Возле расшатанных прясел забора, похожих на скачущих по угору козлят, мы настаиваем старушку. Уступая дорогу, она с батогом и хозяйственной сумкой метнулась через канаву и долго не понимала, почему же машина остановилась возле нее и даже дверца открылась, а из дверцы вышел шофер и что-то ей весело объясняет. Наконец до старушки дошло, что ей предлагают место в машине. Ах, как она удивилась!

Старушка сидела на заднем сиденье, рядом со мной, застыв в каком-то благостно-робком оцепенении. Навстречу летели поля со скирдами рыхлой соломы, геодезической вышкой и толпами возледорожных рябин, полыхавших гроздьями ягод. За полями, на длинном угоре, открылась деревня: два низких бескрыших гумна, деревянные погребки, в которых хранится зимой картошка, и четыре посада высоких изб.

Был ранний вечер, и солнце спускалось за косогор, поливая лучами двухскатные кровли, колодец с большим колесом и девочку на заборе. Старушка обеспокоенно шевельнулась, и нам стало ясно, что мы проехали ее дом. Развернувшись, машина прошла к колодцу и встала, едва не заехав на крашеное крыльцо.

-Сюда? – обернулся шофер.

-Гой, куколки! Гой, спасибо! - Старушка зашеборшила ладонями по сиденью, забирая батог и сумку. - Честь-то какая! Ну-ко к самому крыльцу! Что деется, гой! У всей деревни в начальниковой машинке! Чего старик-от мой скажет?! Да вот он и сам. Лексей! – крикнула с повелительной ноткой. – Прймай гостеньков!

Мы не успели выбраться из машины, как возле нас забегал юркий тоненький старичок с серебряной бородой и синими радостными глазами. Помахивая сжатой в руке старомодной фуражкой, он подтолкнул нас к крыльцу:

-Ходчей, ребята, ходчей! Выставай на крылец! Ну-ко такое дело! Старуху мою подвезли? О-го-го! А мы-то себя забытыми чаем. Ан нет!

Пройдя в покои, мы не спеша уселись на лавку. А хозяева суматошно и бойко захлопотали. Уж чего-чего только не было на столе, а они приносили и приносили – и соленые огурцы, и рыжики в масле, и холодное мясо, и пироги с голубицей, и мед, и горячие щи. Последним поставлен был самовар, полыхавший внизу сквозь решетку поддонника розовым жаром.

Мы пересели к столу. Угощаемся. Отдыхаем. На душе ласково и надежно, будто мы дома, возле матери и отца, которые встретили нас после долгой разлуки и очень нам благодарны.

-Сами-то дальные? – наконец спрашивает хозяйка.

Мы ответили.

-Гой, куколки, из кой далины! И часто, чай, это вы?

-Что часто?

-Да в путях-дорогах живете?

-Частенько.

-А мы как привязаны ко двору. Все на одном местечке. Стронуть-то нас отсюда, гой, как трудненько. За пять километров сползаешь в магазин, вот и вся буде наша дорога.

-Неужели всю жизнь никуда из деревни не выезжали?

Хозяйка взглянула на нас с откровенностью простодушной крестьянки, которой хочется много сказать о себе:

-Мы домоседные с малых лет. Никуда из дому не отлучались.

-Ты что, Антонида, - поправил ее супруг, - я-то ведь отлучался. На целых четыре года, пока шумела война. А ты говоришь... - Он встал, серебристо-волосый, тонкий, в бязевой теплой рубахе и валенках с загнутыми верхами. Пройдя до стряпного стола, принес оттуда пустую консервную банку, поставил на подоконник, снова уселся и закурил. - Да и ты отлучалась. Али Устье забыла? Пийсят небось верст отмахала туда да эстоль же и обратно.

-Гой правда, робята! - вспомнила Антонида. - Ходила на Устье. Было такое. Было. Реки-то большой не видела никогда, а тут на нее как вышла да как углядела, что плывет по ней двухэтажная церква, так вся от страху и задрожала.

-Это она пароход за церкву-то приняла! - объяснил хозяин. - И было же там потехи. Все Устье тогда от смеху понадрывалось.

Мы отпили чай и хотели было поехать дальше, но Алексей сердито закипятился, пробежал по кухне, встал на порог и раскинул руки:

-О-го-го? Выдумали чего? А кто ночевать у нас будет? Не! Не! Лучше не сподобляйтесь! И не пуцу!

Мы снова уселись на лавку и понимающе улыгнулись. В конце концов это не так уж и плохо, когда тебе предлагают ночлег.

Шофер, устав больше всех от длинной дороги, нашел себе стопку журналов «Крестьянка», зевнул и стал бесконечно долго листать. Фотограф начал возиться с аппаратурой. А я огляделся по сторонам.

Кухня была обычной: по левую руку от входа печь с дощатой заборкой, по правую - ситцевый полог, скрывавший большую кровать, и деревянная лавка. На стенах голым-голо, ни полотенец, ни зеркала, ни фотографий, какие обычно бывают в каждой избе. Однако... Я повнимательней посмотрел и в углу, под божницей, заметил три парусиновых картуза белого, черного и зеленого цвета. Были они с упруго натянутой тульей и твердыми жесткими козырьками, совершенно новые три картуза, которые долго должны бы носиться.

-Чьи? - спросил я старую Антониду, убиравшую со стола.

Она на какой-то момент растерялась, тряпка выпала из руки, по морщинистому лицу проскользнула тень воскресшей тревоги. Но оправилась тут же, вытерла обе ладони о ситцевый сарафан.

-Эта вот, - показала на белый картуз, - Вани. Эта, - перевела указательный палец на черный, - Коли. А эта, - направила руку к зеленому картузу, - Юры.

Я понял, что это фуражки ее сыновей, которые очень давно не бывали дома.

-Это ваши, стало быть, сыновья. А живут они где? Наверное, в городах?

-Гой нет. В городах, стойно нас, не живали. Все трое в земельке.

Мне стало как-то не по себе, словно я подглядел чужое несчастье, которое тщательно скрыто от всех, и не надо бы было его тревожить. Досадуя на себя, я сидел и растерянно слушал, как хозяйка шуршала тряпкой по краю стола и негромким голосом говорила:

-На войну одного за другим забрали. Старшева – в сорок первом, среднева – в сорок втором, а малова – в сорок третьем. Никто не вернулся.

-А фотокарточки сохранились?

-Гой нет. Фотокарточек не бывало. Только эти картузики и остались. Цвет разной, размер одинакой. Покупала их в тридцать девятом, на Устье.

-Это когда церковь-то спутали с пароходом?

-Ага. Четыре штуки купила, на сыновьев да на батьку. Только один картузик теперь на головке, а могли бы и все четыре, кабы не эта война...

Убрав со стола и задернув белые занавески, Антонида уселась на табуретку и, подперев подбородок рукой, повела подробный рассказ. Сперва про своих «парнеков», после про то, как вернулся с войны ее муж, как жили они на пару, смертно тоскуя по сыновьям, как шли и дошли по житейской дороге до стариковских годов, в которые только тогда и бывает отраднo, когда в покои их дома заходит нечаянный гость.

-Теперь у нас три гостенька, - сказала хозяйка, вставая и, сняв с деревянных катушек один за другим все три картуза, поглядела на нас с надеждой.

-А ну-ко примерьте! Пожалуйста, коли можно...

Мы взяли по картузу и, осторожно надев, посмотрели на старую Антониду. Она стояла в своем полосатом ветхоньком сарафане и водила ладонью по подбородку. Глаза ее были тусклы, и в них томилось желание что-то узнать или вспомнить. Быть может, с помощью нас, изменившихся от фуражек, она хотела увидеть те невозвратные дни, когда жила и она и ее Алексей сердце в сердце с любимыми сыновьями?!

-А четвертый-то где картуз?

-У хозяина. Он как с войны воротился да как надел на свою головку, так до сих пор не сымает.

Мы обыскали глазами кухню и, не увидев хозяина, удивились:

-Дед-то куда твой девался? Вроде только что был?

-На колхозном дворе, - улыбнулась хозяйка, проходя к распахнутой двери, - сторожит там коров. Мы с им подменно на этом деле. Ночь он

да ночь я... - Шаги ее застучали по половицам сеней, и мы поспешили снять картузы, повесив их вновь на катушки.

Возвратилась она минут через пять с голубым широким матрасом.

-Сейчас устелю я вам. Одному – на кровати, второму – на голбце, третьему – в той половине. Сыновье-то у нас как раз по этим местечкам и спали...

Было тихо, тепло, где-то на печке мурлыкала кошка. Шофер и фотограф мгновенно заснули. Я же долго ворочался с боку на бок. От мысли, что мы занимаем места, на которых могли бы сейчас отдыхать сыновья стариков, становилось как-то неловко и возле сердца, странно его волнуя, рождалось сочувствие к жителям этого дома.

Утром нас ждал клокочущий самовар. Позавтракав, мы попрощались со стариками и хотели было уйти, не забыв положить на угол стола три бумажных рубля, но стремительный Алексей, все в тех же валенках с загнутыми верхами, той же теплой рубахе, догнал нас в сенях, сунул обратно деньги и умоляюще улыбнулся:

-Этова не берем. Хватает покуда. А уж коли охота вам расквитаться, так прокатите меня на машинке! Вчера старуху катали, седни – меня. Да чтоб видела вся деревня!

«Газик» бежал от посада к посаду. Из дверцы, высунувшись по пояс, сияя серебряной бородой, махал сжатым в руке картузом не спавший всю ночь сторож колхозной фермы, крича при этом так громко, что от нас шарахались курицы и собаки:

-О-го-го! Игнашка! Это я! Видишь!!!

-Тимофей! Мотри! Мотри в оба! Кто едет-то? Э-э!

-Товарищи девки! Вот-ка я! Сам Лексей Никонорович Домородцев! Завидно небось? О-го-го!!!

Наулыбавшись и накричавшись на всю деревню, Домородцев сошел наконец с машины и, спасибо нам, надел на седую голову мятый картуз – единственный из четырех, который так носится долго.

Мягкий свет продравшегося сквозь ельник большого желтого солнца, мурава на проулках, спокойная белая борода старого Алексея – все вокруг казалось нам утешающим, благодарным, склоненным в поклоне к началу осеннего дня, который лениво и медленно разгорался.

Машина рванулась, и мимо нас промелькнул обутый в валенки Домородцев. Он махал парусиновым картузом. Махал озабоченно и прощально, как своим сыновьям, которые навсегда уезжали из дома.

1982 г.

Редактор Изосим Иванович ДЕРЯБИН
Тираж 100 экземпляров

...И Боря, связанный, как злодей, бессильный даже для шевелений, почувствовал ярость от произвола. Зыркнув глазом к соседней койке с румянолицым бородачом, попросил его:

- Развяжи-ко меня, Карл Маркс!

Бородач отказался:

- А вдруг ты кинешься на меня? Ты же бешеный! Видел, как с ментами буртыхался. Терпи до утра. Кто связал тебя, тот и развяжет.

- Ты не Маркс, а клочок от его бороды! - обиделся Боря и, скрипнув зубами, сказал, обращаясь ко всем остальным:

- Кто еще там живой?!

Но никто на койках не отозвался...

Сергей БАГРОВ
«ТРИ РАССКАЗА»